

СОДЕРЖАНИЕ

1. Шестая полоса	7
2. Танкист	15
3. Марина	25
4. Орден рыцарей правды	39
5. Сообщающиеся сосуды	50
6. Ниночка	61
7. Это мои уши!	68
8. «Отказники» и «лабазники»	78
9. Веня и Жора	90
10. Предшественник	100
11. Вяленые бычки	110
12. Тихославль	121
13. Заходьрка	133
14. За стеной	141
15. Елизавета Вторая	152
16. Спецобщепит	162
17. Так жить нельзя!	170
18. Кракелюры	180
19. Дорога в баню	190
20. У Зелепухина	200
21. Река любви	210
22. Планерка	219
23. Языческая троица	232
24. Книгоноши	243

25. Снарк	256
26. Переходящий лоскут	264
27. «Шапошная»	276
28. Дёма и Сёма	286
29. Стреляться через платок!	296
30. Бабушкин тюфяк	309
31. Изумруды в шампанском	320
32. Пьяный самолет	328
33. «Чайник»	339
34. Гена модифицированный	352
35. Луна в Овне	362
36. Невозвратимое	373
37. Святоград	379
38. Окурок	384
39. Шестая полоса	388
Комментарии	389
«Любовь в эпоху перемен»	389
Один день, вся жизнь, целая эпоха	398
Эпоха перемен и ее итоги	401
«Лихие девяностые» как эпоха перемен	406
Модифицированный Гена	408

Мелькнула женщина за облетевшей сливой,
Плач флейты яшмовой затих на берегу.
Туман над озером горчит, как дым пожара.
Грустна любовь в эпоху перемен...

Сун Цзы Ло

1. ШЕСТАЯ ПОЛОСА

Дымы над широкими трубами Битцевской ТЭЦ были похожи на толстые витые колонны, подпирающие тучное небо. Москву замело и заморозило. Такого марта не помнил никто, только старик-охранник на проходной твердил, что схожая природная невидаль случилась в канун беды.

- Какой беды?
- Убийства.
- Какого убийства?
- Сталина.
- А кто ж его убил?
- Ясно кто. Евреи.

«Вот народ! Ты с ним про погоду, а он с тобой про Сталина и евреев!»

Гена Скорятин, седой апоплексический импозант, стоял у приоткрытого окна и опасливо курил, как подросток, заскочивший на перемене в школьный туалет — «дернуть» по-быстрому, пока не застучала Фаза. «Немка» Фаина Федоровна Заубер обладала уникальным нюхом на табачный дым. Фантастическим! Она могла спокойно заполнять за столом классный журнал, но вдруг ее ноздри хищно вздрагивали, лицо вспыхивало карательным румянцем, а немаловажный зад резво отрывался от стула, и Фаза тяжким командорским шагом безошибочно направлялась к тому «мальчишковому» туалету, где творился смертный грех табакокурения. Сказав: «Ни на кого не смотрю!» — она крепко брала преступника за ухо и тащила через всю школу во двор, проветриться. О, это был путь позора! Под

ногами путалась глумливая малышня, гоготали издали жестокие дружки, успевшие спрятать свои окурки, но главное — обидно хихикали ровесницы, чьи форменные юбочки день ото дня становились все короче, а ноги все длиннее! К тому же ухо раздувалось, как ватрушка, и долго потом болело.

Скорятин пощупал мочку, вспоминая стальные пальцы Фазы, и выпустил в приоткрытое окно струйку дыма. Отсюда, с шестого этажа, из редакторского кабинета, было видно, как прохожие, подняв воротники, спешат меж сугробов домой, к теплу, а за ними гонится, извиваясь, поземка. Метель залепила снегом даже огни светофоров. Машины, сгрудившись на перекрестке в безнадежном заторе, жалобно и разноголосо сигналили. На белых лобовых стеклах мятущиеся «дворники» едва успевали выскабливать удивленные полукружия. Толстый регулировщик, стянутый портупеей, как готовая к переезду подушка, размахивал полосатым жезлом и, казалось, дирижировал воем автомобилей.

Сделав последнюю долгую затяжку, Скорятин выбросил окурочек, и тот затерялся в косо летящих белых хлопьях.

«Дожил, ёкарный бабай! В собственном кабинете уже и покурить нельзя. Как в школе! Запретили! И кто? Заходырка. Сво-лочь, тащит все, что под руку идет!»

Но бесился он не из-за воровства, которое стало в отечестве чем-то вроде обмена веществ в организме. Казалось, перестань люди воровать, брать взятки, откатывать — все сразу остановится, замрет: заводы не будут дымить, поезда стучать по рельсам, самолеты не смогут взлетать и садиться, банки торговать деньгами, а танки вращать башнями, целясь во врага. Казалось, без воровства исчезнет смысл существования, ибо на честные деньги жить неинтересно и утомительно. Злился он по другой причине: Заходырка стала лезть в его дела — нагло и нахраписто. Вот и сегодня, едва поздоровавшись, голосом следователя спросила: «А где же ваша статья?» «Твое-то какое дело? Твое дело, коза, по калькулятору маникюром щелкать и ноги задирать!»

А статья вышла отменная. Одно название чего стоит — «Клептократия»! После многих лет разлуки вдохновение ворвалось в остывшее Генино сердце, как буйная старшеклассница в спальню пенсионера. Утром он перечитал сочиненное в ноч-

ной лихорадке и вместо привычного срама за неодолимую прилизительность слов почувствовал сладкое стеснение в горле — верный признак удачи. Но публиковать нельзя! Ни в коем случае! Кио — жуткий человек. Отобьет голову одним щелчком. И не печатать тоже нельзя. Хозяин требует: скорей, скорей, скорей! Хорошо ему: сидит, хорёк, в Ницце, купается в Средиземном море, гуляет по Английской набережной, заказывает по Интернету тёлку и трахается, как тропическая землеройка. Одно слово: Кошмарик!

Скорятин прижал воспаленный лоб к стеклу, почувствовал ледяной ожог и, посвежев, вернулся к столу, заваленному бумагами. Чего там только не было: рабочие полосы, депеши из инстанций, приглашения на приемы и презентации, «трудные» тексты, письма читателей, готовые материалы, отпечатанные на «собаках». Сверху лежал ксерокс чудодейственной мужской диеты «Простоед», выловленный в Интернете заботливой Алисой. Из-под «Простоеда» торчал конверт с билетами на премьеру «Ревизора» в Театре имени Таирова. Обозреватель «Мымры» Сеня Карасик был на прогоне и радостно доложил, что это лучшая работа гениального Йонаса Жмудинаса — мастер от души поквитался с Москвией не только за ужасы советской оккупации, но и за все обиды Великого княжества Литовского.

Гена задумался: спектакль — подходящий случай. Надо же наконец вывести Алису в люди, показать и поглядеть, как на нее посмотрят. Бог даст, обойдется без последствий: Марину давно уже не зовут в приличные места, знают, что обязательно напьется и набезобразничает. Со времен, когда она была молода и красива, у нее осталось веселое чувство вседозволенности. Может и визгливую драку устроить, но вероятность случайной встречи жены и любовницы ничтожно мала. Стоит рискнуть. В последние дни ему часто приходила мысль о необходимости тектонического переустройства своей жизни. Однако выведя женщину из сумрака спальни, можно ее не узнать. Ошибиться нельзя: старость надо встретить с удобной, нежной, надежной подругой. Разводиться и делиться совсем не обязательно: вон сенатор Буханов, когда к себе на Кипр летает, полсамолета бронирует под свой гарем с детишками и объясняет: «Отдыхать надо по-семейному!»

Скорятин спрятал конверт с приглашениями в боковой карман, решив спуститься к Алисе сразу после планерки. В предчувствии близкого свидания тело затомилось, а пожилые гормоны взволновали сердце несоразмерными желаниями: не зря же Гене раз в три месяца в Центре мужского здоровья вкальвывали молодильный тестостерон. Скоро снова идти на инъекцию: шарик-то сдувается. Такая вот романтическая химия...

Он тяжело уселся в кожаное кресло «босс» и, чтобы отвлечься, взял со стола свежий номер журнала «Денди-ревю». Ну охломоны! На глянцевой обложке был изображен президент в виде Карабаса Барабаса с пышной накладной бородой. В кулаке гарант сжимал плетку с тремя хвостами, на которых алели слова: «Цензура», «Политзаключенные», «Нечестные выборы». К пальцам другой руки были привязаны нити, на которых корчились неприятные марионетки, карикатурно похожие на лидеров парламентских партий. А сбоку, на дереве, сидел бесстрашный Буратино, означавший, надо полагать, внесистемную оппозицию, и, приставив растопыренные пальцы к шнобелю, деревянный человечек дерзко дразнил разгневанного всероссийского кукловода, одетого для вящей узнаваемости в пижаму дзюдоиста.

«Вот черти, ничего не боятся!» — покачал головой главный редактор и щелкнул пальцем по рыжему замшевому носу песочного снеговичка, стоявшего на столе рядом с монитором.

Потянувшись до болезненного хруста в суставах, он взялся за почту, разобранную секретаршей: письма были вынуты из конвертов и прикреплены к ним степлером, чтобы не перепутались и не потерялись. Когда-то давным-давно больше всего на свете журналисты боялись попасть под страшное постановление ЦК КПСС «О работе с письмами трудящихся»: за не отправленный вовремя ответ ничтожному жалобщику можно было схлопотать выговор и даже вылететь с работы. Нынче хоть все письма, не читая, сваливай в мусор или сжигай — никто даже не заметит, всем на все наплевать. Прежде начальство все-таки интересовалось: о чем там, внизу, попискивает прижатый тоталитаризмом народец? Пресса была чем-то вроде смотрового окошечка в камеру заключенного. Теперь никому ничего не надо, кроме денег,

теперь, блин, демократия: не нравится власть — не выбирай. Она сама себя выберет. На то и урны. Поэтому начальству пресса почти разнадобилась — держат так, для приличия, чтобы народ читать не разучился и западные умники на переговорах не доставали: «Где у вас свобода слова, где?» В Караганде...

Однако Геннадий Павлович сохранил старый советский обычай начинать рабочий день с редакционной почты, читал, писал резолюции, направлял в отделы, хотя знал наперед: если сотрудники и ответят авторам, то с тем вежливым хамством, от которого у людей там, на земле, зреет классовое бешенство. Прежде под возмущенные письма трудящихся в каждом номере отводили целую полосу — шестую. А теперь? Ничего. Пшик. И сделать с этим ничего нельзя. Время такое...

Память о том, что и сам он по молодости поучаствовал в сотворении нынешнего несуразного мира, жила в его душе подобно давнему постыдному, но незабываемо яркому блюду. Скорятин вспомнил, как вместе с Мариной, семилетним Борькой и трехлетней Викой стоял в 1991-м в живом кольце, заслоня Белый дом, сжимая в руке бутылку с вонючим «коктейлем Молотова» и готовясь к подвигу. Но танки тогда не приехали...

«А может, остаться сегодня у Алисы? — возмечтал Гена. — Степка вроде на сборах... Нет, нельзя: Ласская снова запьет...»

В первом письме ветеран лесной промышленности из Сыктывкара с подходящей фамилией Сердюк возмущался вырубками зеленого богатства и предлагал организовать «вооруженные народные дружины для защиты деревянного золота от беспредела».

«А что? Правильно!» — подумал Скорятин.

Ему самому иной раз хотелось, выходя из дому, прихватить с собой шестизарядный «винчестер», подаренный акционерными к пятидесятилетию. Народ стал нервным, драчливым: если похмельный мужик в магазине лез к кассе без очереди, его давно уже никто не останавливал и не совестил — зарежет. Бывали случаи. А кавказская пацанва превратила соседнюю общагу в аул и совершенно обнаглела: затащили в подвал и всю ночь поганили школьницу, возвращавшуюся из балетного класса. Сначала, как говорится, чем могли, а потом, ублюдки, пуантами.

Милиция связываться не захотела — под окнами визгливые горные тетки орала, что только проститутки ходят по улице вечером без родственных мужчин. Скорятин позвонил начальнику отделения по фамилии Гантулаев, погрозил публикацией. Дело завели. Тогда приехали белобородые аксакалы с дарами. Дело закрыли. Гена вскипел, но ему тихо объяснили: «терпилы» сами забрали заявление и теперь меняют квартиру — улущаются.

«Кстати, а что там у нас с шестой полосой?» — спохватился главный редактор.

Там под рубрикой «Социология для бедных» с колес шла статья знаменитого правозащитника Адама Королева. Называлась она «Гимн понаехавшим». Автор был когда-то знаменитым диссидентом, подписывал ябеды мировому сообществу, выходил на Красную площадь, сидел, стучал, снова митинговал, призывал раздавить гадину, раздавил, возликовал, но потом устал и затворился в элитном санатории. Зато его сынок, редкий балбес, крутил мутный бизнес с ингушами, и старичка Королева попросили тряхнуть либеральной стариной. Точнее, позвонил из Ниццы Кошмарик (он теперь, видите ли, кавказскую карту разыгрывает!) и приказал: «Нужна статья о том, что Россия без мигрантов погибнет!» — «Зачем?» — удивился Гена. — «Много знаешь — мало получаешь! — хохотнул хозяин. — И готовь бомбу про Кио!» Под ником «Кио» в телефонных разговорах проходил кремлевский скорохват Дронов. Скорятин еле отыскал Адама в Рогашках, долго уламывал, сулил тройной гонорар, убеждал, взывая к его врожденной политкорректности. Убедил. Однако статья вышла не про то, как полезны «понаехавшие», а про то, какой ужас начнется, если русские сорвутся с цепи, ибо нет ничего опасней великодержавного шовинизма, замешанного на православной спеси.

Гене страшно захотелось набрать Алисин номер, но он удержался. Пусть попереживает, погадает, почему не зашел утром... Как говаривал покойный тесть, женщина — существо ожидающее. Мужчина — ожидаемое.

Скорятин развернулся во вращающемся кресле и посмотрел на стену: там между двумя большими фотографиями висели отписки полос. На левом снимке Ельцин, воздев беспалую руку, вещал с танка. В толпе можно было узнать молодого Скорятина,

худого и ярого. Рядом стояли гордый Исидор и пьяный Шаронов. Правая фотография запечатлела великую тройку: Сталина, Черчилля и Рузвельта на Ялтинской конференции. Вожди читали «Мымру». Шутейный фотомонтаж к юбилею подарили коллеги из «Огонька». От одного снимка к другому протянулась рейка с пронумерованными гвоздиками. На них накальывали сверстаные полосы — и можно было одним взглядом оценить готовность выпуска. Шестой гвоздик пустовал.

«Не сдали полосу, мерзавцы!» — Главный сердито нажал клавишу селектора, оставшегося еще с советских времен. Аппарат давно устарел, несколько раз ломался, но его чинили, хотя стоило это дороже, чем купить японскую систему связи.

Секретарша не отзывалась.

«Где ее черти носят?! Не редакция, а Гуляй-поле какое-то!» — выругался он и вдавил клавишу с надписью «Жора».

— О величайший, слушаю и повинуюсь! — сквозь шипение ответил всегда веселый Дочкин.

— Что там с шестой?

— Ты гений! — ответил заместитель.

— Да ладно... — Гена улыбнулся с чемпионским смущением.

— Гений! Не спорь, о скромнейший из скромных! Аристофан Свифтович Салтыков-Щедрин! «Клептократия»! Убиться веником! Это та-а-ак рванет!

— Ты никому не показывал?

— Ну ты спросил! Могила. В номер?

— Повременим.

— Прав, прав, о дальновиднейший! А знаешь, какой сегодня день?

— Какой?

— Двадцать четыре года, как умер Танкист.

— Неужели двадцать четыре?

— Да, Гена, да! «Проходит жизнь, проходит жизнь, как ветерок по полю ржи...»*

— Надо помянуть.

— Когда? — оживился Жора.

— Пока не знаю.

* Строчка из песни «Я люблю» в исп. Б. Полоскина.

- Жду команды, о златоперый! Водка стынет в жилах.
 - А что там с шестой? Бред Адама поставили?
 - Стоит.
 - А где полоса?
 - Сун Цзы Ло держит.
 - Почему?
 - Правит «Мумию на вынос!».
 - Поторопи! Не люблю я пустые гвоздики в понедельник.
- Помнишь, как Танкист говорил?
- Помню: сам погибай, а газету выпускай.

2. ТАНКИСТ

Конечно, теперь, когда все делается на компьютере и, нажав кнопку, можно увидеть на экране любую полосу, — рейка, гвоздики, правленные оттиски выглядят глупым приветом из прошлого, из эпохи незабвенного Танкиста. Скорятин зажмурился: ах, какое было время! От клацающего линотипа он бегом нес теплый набор, завернутый во влажную гранку метранпажу, клал на оцинкованный стол и умолял:

— Семёныч, быстрее, график срываем!

Семёныч, толстый, степенный мужик, неторопливо вытирал ветошью руки, испачканные типографской краской, разворачивал гранку и качал головой при виде бесчисленных «вожжей», тянувшихся от зачеркнутых неверных слов к правильным, выведенным на полях четким почерком.

— Над стилем работаешь, Паустовский? Ну-ну...

Метранпаж ослаблял винты тайлера, вынимал из набора, поддев шилом, ошибочные строчки, вставлял новые, вбивал их на место деревянной рукояткой и прокатывал свежий оттиск. Через минуту Гена уже мчался по коридору, гремя полосой, в корректорскую. Женщины возмущались: продукты, купленные в обеденный перерыв, были из холодильника уже переложены в сумки. Оставалось дожидаться радостной вести, что номер подписан, — и домой, к мужьям, к детям. А тут такое! Они, как куры, набрасывались на текст, «строчили» — читая на пару вслух и сверяя правку. Не найдя ошибок, подписывали полосу.

Дальше путь лежал к уполномоченному Главлита, которого звали по старинке цензором. Он-то и допускал полосу к печа-

ти — залиловывал. Замечательное время! Все было просто и ясно: ты хочешь сказать правду, а кто-то наверху тебе не велит. Значит, или ты его обманешь, перехитришь, обведешь, словно нападающий защитника, или он заткнет тебе рот, и ты напишешь неправду, а наутро твоё вранье прочитают миллионы доверчивых подписчиков. Конечно, на самом деле все было сложнее и тоньше. Власть напоминала тяжелого и подозрительного больного. Чтобы убедить его в необходимости укола, приходилось хитрить, заходить с разных сторон, даже порой соглашаться, будто он совершенно здоров, а потом, улучив момент, исподтишка воткнуть шприц. Обманутый хроник вопит, но уже поздно, поздно: струйка правды уже рассочилась по гнилой крови. Если удавалось, друзья гордились тобой, а женщины смотрели восхищенно-влажными глазами. Если не удавалось, что ж — друзья скорбели, а женщины смотрели сочувственно-влажными глазами. Ах, какое было время!

...Уполномоченный Главлита, молодой смешливый парень, сидел в отдельном кабинете без таблички. На стене — большая карта нерушимого СССР и вырезанный из журнала портрет старины Хэма в знаменитом скиперском свитере. На столе — стопка непонятных справочников без надписей на корешках. В углу — сейф для особо секретных инструкций. Цензор всегда работал, как бухгалтер, в нарукавниках — свежие отпечатки пачкали одежду. Он откладывал новый роман Хейли или Стругацких, просматривал полосу, приветливо кивая каждый раз, когда видел, что его замечания учтены и текст исправлен. Потом улыбался и хитро смотрел на стажера:

— Значит, говоришь, самое тяжелое — поднять нашу легкую промышленность? Лихо! А вот это просто клёво: «Кресло дается чиновнику, чтобы работать головой, а не отдыхать ягодицами!» И название отличное: «Ситец — тоже броня!» Сам придумал?

— Сам.

— Опасный ты парень! Ладно, не бойся — оставляю. Может, из тебя Юрий Трифонов выйдет. Будут доценты изучать раннего Скорятина, и меня, цербера бумажного, добрым словом вспомнят. А это еще что такое?

На лице цензора возникло выражение детской плаксивой обиды:

— Ну сколько раз повторять: нет никакого Кустанайского танкового завода. Ну нет его! Есть Кустанайский завод сельскохозяйственных машин. Исправляй! Не залитую.

— Корректурa домой ушла... — побледнел от ужаса будущий Трифонов.

— Догоняй теток!

В тот вечер номер подписали на час позже. Вот тогда-то Гена впервые и попал на ковер в кабинет Танкиста. Преступление было очевидно: на пятнадцати гвоздиках висели подписанные полосы, и только под одним зияла пустота. А виновником этой страшной пустоты был он, Скорятин. Главный посмотрел на злодея долгим тяжелым взглядом, отчего Гена невольно встал по стойке «смирно».

— А если бы газету в окопах ждали? — спросил Танкист прокуренным скрипучим голосом. — Молчишь? Мда... Выгнать тебя к чертовой матери с волчьим билетом, и плевать, что за тебя, дурака, хорошие люди просили!

— Иван Поликарпович...

— Молчать! Не выгоню. Мозгам своим скажи «спасибо». Я в журналистике сорок лет, фронт прошел, а мне и в голову ни разу не пришло, что дефицит тряпья — то же самое, что нехватка брони на Курской дуге. Разгромом папахивает. Молодец ты, хоть и разгильдяй! В последний раз прощаю. Иди! Стой! Начальник в кресле не только головой работает, но и задницей. Сам узнаешь. Сгинь с глаз моих, обормот!

За Гену просил тесть, заведовавший в Художественном фонде закупкой свежей живописи, а дочь главного оказалась, как на грех, художницей-«авангардурой». Так он сам выражался в узком кругу. Танкист относился к мазне единственного ребенка, точно к обидной болезни вроде диареи. А что поделаешь — кровиночка.

Иван Поликарпович Диденко (в редакционном обиходе — Танкист или Дед) редактировал «Мымру» лет двадцать. Фронт-овой корреспондент, разъезжавший на броне танков чаще, чем на редакционной «эмке», он умудрился даже затесаться в одну из групп, посланных вывесить на Рейхстаге знамя Победы. Но отряд накрыли минометным огнем, и задание они не выполнили. Когда-то Дед гремел очерками о послевоенной Кубани, сильно

отличавшимися от сытой и веселой жизни киношных казаков. Он даже сидел в следственном изоляторе, потом разобрались, выпустили, вернули партбилет и вставили за казенный счет железные зубы взамен выбитых на допросах. Свой первый серьезный пост, и не где-нибудь, а в «Правде», Танкист получил после того, как хорошенько «протащил» безродных космополитов в краевой газете. Вся читающая страна повторяла тогда его каламбур: «Борьба с “космополипами” требует скальпеля!» Он долго работал заведующим отделом в главной партийной газете, а потом ему доверили самостоятельное дело — новый еженедельник «Мир и мы», созданный в самом конце «оттепели» при Обществе дружбы с зарубежными странами, чтобы продемонстрировать «определенным кругам на Западе», что в Советском Союзе тоже есть беспартийная, даже свободная печать. Диденко вызвал сам Суслов и сказал:

— Давай-ка посмелей, но без партизанщины. Не подведи!

Не подвел: газету делал лихо, дерзко, с выдумкой, но без карманного интеллигентского кукиша. Острые материалы обязательно согласовывал на Старой площади. Впрочем, это не спасло его от инфаркта и двух выговоров — с занесением и без занесения. Однако в те времена, когда Скорятин после журфака, по протекции тестя (сначала Гену распределили в «Тургайскую правду»), пришел в «Мымру», Ивана Поликарповича уже редко звали Танкистом, чаще Дедом. Он превратился в усталого, обрюзгшего старика с одышкой и синими губами сердечника. В день выпуска до вечера Дед сидел над готовыми полосами, мрачно рассматривал визы корректуры, ведущего редактора, штамп Главлита и никак не решался подписать газету «в свет», напоминая сапера, тяжело склонившегося над миной неведомой конструкции. А утром, придя как всегда к девяти, он пил чай с баранками и косился на «вертушку» — телефон цвета слоновой кости с латунным советским гербом на диске. Партийное начальство начинало рабочий день с чтения главных газет: «Правды», «Известий», «Совраски», «Комсомолки», «Труда»... До «Мымры» руки доходили часам к одиннадцати. Как раз в это время Дед просил секретаршу, служившую с ним, кажется, еще в «Красной Кубани»:

— Зинаида, накапай валерьяночки!